

М.И. Кутузов в Бородинском сражении

Лидия Леонидовна Ивченко закончила Государственный педагогический институт им. В.И. Ленина, исторический факультет. Работала в Государственном Бородинском военно-историческом музее-заповеднике (1981-1984 гг.), затем в музее-панораме "Бородинская битва". В настоящее время работает в должности зав. сектором графики в Государственном музее А.С. Пушкина. Автор статей о П.И. Багратионе "После поэта-солдата..." (Советский музей, 1991, №3), "Известный Вам князь Багратион..." (Родина, 1992, №6—7); биографического очерка о

генерале А.И. Остермане-Толстом (Сб. Герои 1812 года. М., 1987), а также ряда статей, посвященных историографии и уточнению хронологии Бородинской битвы ("Девять на двенадцать..." Родина, 1992, №6—7; "К.Ф. Толь и историография Бородинского сражения", "Боевые действия русских войск у деревни Семеновское". Бородино, Материалы конференции. 1993, 1994).

Член Ученого совета Государственного Бородинского музея-заповедника.

Ни один историк, писавший о Кутузове, не обошел молчанием темы деятельности М.И. Кутузова в генеральном сражении при селе Бородине. Мнения о роли полководца при Бородине, как известно, полярны. Одни утверждали, что "все от него произошло и он все предугадывал",¹ другие, напротив, считали, что "роль Кутузова в отдельных моментах этого великого сражения равняется почти нулю. Кутузов, по-видимому, представлял лишь абстрактный авторитет..."² Историки, к сожалению, придерживались одного какого-то мнения, что, в свою очередь, приводило к крайностям и в историографии. Анализируя заново источники, мы убеждаемся, что участники сражения по-разному оценивали

происходившие на их глазах события. Лишь сопоставляя их суждения и пытаясь понять, на чем они были основаны, мы сможем прояснить для себя некоторые спорные моменты в истории самого значительного события Отечественной войны.

Битва при Бородине, первая в числе сражений, проведенных М.И. Кутузовым в ходе кампании, явилась как бы очередной дуэлью с французским полководцем после сражения при Аустерлице, где авторитет Кутузова подвергся серьезному испытанию. Следует сразу отметить, что 67-летний вождь русской армии не испытывал моральной подавленности после того прискорбного события. "Видно, что Вы никогда не бывали разбиты, со

мью же и не такие беды бывали. Я проиграл Аустерлицкое сражение, да не плакал; обстоятельства могут еще поправиться",³ сказал он в 1809 году в ободрение фельдмаршалу кн. А.А. Прозоровскому, потерпевшему неудачу при штурме Браилова. Кутузов прекрасно сознавал, что его назначение связано с ожидаемым переходом к решительным действиям. Этого требовал от него Государь, на это рассчитывала армия, уставшая от бесконечного отступления. Ему было ясно, что Наполеон рассчитывал в сражении не только "отворить ворота Москвы", но и победоносно завершить войну. В связи с этим встает вопрос, насколько решителен был сам полководец в своем намерении защитить первопрестольную столицу? Какого результата он хотел в действительности добиться в сражении? Квартирмейстер 1-й Западной армии в 1812 году К.Ф. Толь, которому Кутузов доверял больше, чем другим, писал в 1839 году в "Описании сражения бывшего при селе Бородине...": "...Почему Российская армия дала сражение при Бородине и для чего, отразив неприятеля и удержав за собою 26-го числа место сражения, предприняла потом отступательное движение, с самого начала войны Российской армиями производимое, последствием коего было занятие неприятелем Москвы? Дабы разрешить сей вопрос, надлежит поставить на вид, во-первых: хотя отступательное движение с самого начала войны Российской армиями производимое, предписано было весьма уважительными обстоятельствами, однако не менее того войска наши приметным образом

начали терять воинский дух, россиянам свойственный, который необходимо нужно было поддержать и возвысить... Мысль, отдать столицу неприятелю без сражения, ужасала каждого русского, и потому Главнокомандующий решился остановиться на первой выгодной позиции, чтобы дать сражения неприятелю.⁴

Зная о большом числе неточностей, допущенных в этом труде К.Ф. Толя, можно предположить, что ученик М.И. Кутузова до-мысливал события "задним" числом. Известно, что, покидая Санкт-Петербург полководец обнадежил Государя словами, что он "скорее ляжет костями, чем допустит неприятеля к Москве."⁵ Можно предположить, что он произнес их, не зная пока истинного положения дел с резервами и точных предписаний армиям А.П. Тормасова и П.В. Чичагова. Из его переписки в те дни яствует, что последнему обстоятельству полководец придавал решающее значение. Имея точные сведения, он судил уже иначе. В письме Александру I от 22 августа он сообщал, что застал армию "в полном отступлении, и после кровопролитных дел, в Смоленске бывших, полки весьма некомплектными."⁶

В отношении Чичагова, настаивая на сближении его армии с главным театром военных действий, Кутузов указывал на сложность обстоятельств: "... я нашел неприятеля в сердце древней России."⁷ Еще 17 августа он поделился в письме своими сомнениями с Ф.В. Ростопчиным: "Не решен еще вопрос, что важнее - потерять ли армию или потерять Москву."⁸ Таким образом, эта мысль не давала покоя Главнокомандующему задолго до Военного совета в Филях. Хотя Кутузов далее успокаивает Московского Главнокомандующего словами: "По моему мнению, с потерей Москвы соединена потеря России,"⁹ тем не менее в известном письме к дочери в Тарусу от 19 августа он пишет: "Я хочу, чтобы вы уехали подальше от театра войны. Уезжай же, мой друг! Но я требую, чтобы все сказанное мною было сохра-

нено в глубочайшей тайне..."¹⁰ К 22 августа иллюзий у Кутузова уже не было: "Ежели побежден, то пойду к Москве,"¹¹ - ставил он в известность гр. Ростопчина. Наполеон говорил, что "самое сложное на войне - это переход от оборонительных действий к наступлению."¹² Мог ли рассчитывать Кутузов на переход в наступление, получив в подкрепление армии накануне битвы всего 15 тысяч рекрутов, приведенных М.А. Милюрадовичем, которые сразу же пошли на возмещение убыли в полках 1-й и 2-й Западных армий? При том, что полководец оценивал силы неприятеля от 130 до 195 тысяч регулярных обстрелянных войск, то есть не предполагая у неприятеля простого численного равенства в силах. Напомним, что шансы одолеть французов у стен Москвы очень скептически оценивал кн. П.И. Багратион, писавший в середине августа накануне назначения Кутузова гр. Ростопчину: "И, Боже сохрани, если теперь мне дадут команду, способу нет... Ежели бы неприятель был подальше, тогда бы мог я распорядиться, а теперь нету времени, как идти на него."¹³ Отдать должное Кутузову следует уже хотя бы за то, что он принял назначение, которое лишь впоследствии оказалось таким блестательным, увенчав его титулом "Спасителя Отечества".

Свообразие положения М.И. Кутузова при Бородине заключалось в том, что его ближайшие сподвижники и верные помощники относились к нему крайне сдержанно, если не сказать враждебно, что, естественно, проявилось в их высказываниях. Причем и у Бенигсена, и у Багратиона, и у Барклая де Толли были на то свои веские причины. "Борьба за начальство есть неискоренимая причина раздора,"¹⁴ - писал английский комиссар Р.-Т. Вильсон лорду Кэткартту вскоре после Бородинского сражения, где Багратион, как мы знаем, был смертельно ранен, а от остальных "совместников" Кутузову пришлось вскоре избавиться самому. Однако на Бо-

родинском поле все они оказались в его подчинении, что требовало от Кутузова особого такта в принятии решений и в руководстве боевыми действиями. В отличие от своих оппонентов Бенигсена и Барклая де Толли, он не вступал в публичные дискуссии на виду у подчиненных, был лаконичен в письмах и не оставил воспоминаний, отчего многим сослуживцам роль полководца представлялась пассивной на фоне его темпераментного и не сдержанного на языке начальника Главного штаба.

Сила же Кутузова заключалась в том, что большая часть армии, не связанная с ним личными отношениями, искренне ликовала. Немец К. Клаузевиц, со своей точки зрения, так оценил причину восторга войск. "Простой, честный, но ограниченный Барклай был бы подавлен моральными возможностями французской победы, в то время как легкомысленный Кутузов противостоял им дерзкое член и целый поток хвастливых речей."¹⁵ Таким образом, вопреки представлениям многих, Кутузов с первого дня своего присыда в армию предстал в образе человека волевых решений. "Опасение ответственности всегда, кажется, притупляло его способности,"¹⁶ - писал англичанин лорд Тэркенель о Барклай де Толли, пытавшемся осуществить общее руководство войсками по праву Военного министра. Сколько бы ни говорили оппоненты о слабоволии Кутузова, легкой винуаности со стороны отдельных лиц, нельзя не признать, что он не побоялся ответственности и "вверился на произвол сражения" у стен Москвы.

Накануне битвы огромное значение придавалось выбору позиции постольку, поскольку считалось, что это было то единственное, что до сих пор препятствовало генеральному сражению. "... По обыкновению у нас еще не решено: где и когда дать баталью? - все выбираем места, и все хуже находим,"¹⁷ - писал князь П.И. Багратион гр. Ростопчину, характеризуя этот

поиск, начавшийся от Смоленска. "Ваше Императорское Величество Всемилостивейше согласиться изволит, что последствия сии (оставление Москвы неприятелю - авт.) нераздельно связаны с потерей Смоленска...",¹⁸ - констатировал Кутузов в письме к Александру I. В последнее время некоторые историки усматривают в этих словах неделикатную выходку в адрес Барклая де Толли, но, думается, дело здесь заключается в ином. К. Клаузевиц, взирая на все бесстрастным взором иностранца, так охарактеризовал в военном отношении специфику местности: "Россия чрезвычайно бедна позициями... там, где леса вырублены, как между Смоленском и Москвой, местность плоская, без определенно выраженного рельефа, нет глубоко врезанных долин, поля не огорожены..., селения имеют деревянные постройки, а потому мало пригодны к обороне."¹⁹ В связи с этим уже выбор позиции стал камнем преткновения между Кутузовым и лицами его ближайшего окружения. Их аргументы стали уже хрестоматийными. Барклай, явно оскорбленный тем, что армия покинула избранное им для боя место, впоследствии писал Александру I: "Они (Кудашев и Кайсаров - авт.) условились заметить престарелому и слабому князю, что по разбитии неприятеля в Царево-Займище, слава сего подвига не ему припишется, но избравшим позицию..."²⁰ Заметим, что в отличие от Кутузова Барклай де Толли на этот раз не только намеревался дать сражение, но и выиграть его непременно, выбрав у Царева-Займища позицию, где в тылу у русских находилась река, препятствовавшая отступлению: по этой причине ее оставил Кутузов. О позиции при Бородине Барклай отозвался отрицательно. "... Она (позиция - авт.) была выгодна в центре и на правом фланге, но левое крыло в прямой линии с центром совершиенно ничем не подкреплялось..."²¹ В избрании этой позиции Главнокомандующий 1-й армии обвинял Бенигсена, якобы имевшего неограниченное

влияние на Кутузова и действовавшего заодно с ним. "Все, что не от него происходило или не им было предложено, подвергалось осуждению",²² - справедливо заметил Барклай по поводу начальника Главного штаба. К сожалению, он не замечает наличия подобной же слабости в себе самом. С точки зрения Барклая особую опасность представляла Старая Смоленская дорога, огибавшая слева фланг 2-й армии. Бенигсен, в свою очередь, отрицал личное участие в выборе позиции. В письме генералу Фоку от 20 сентября, предназначавшемуся для прочтения императором, он писал: "Я не говорил о Бородино, как о выгодной позиции, но полковник Толь, назначенный Главнокомандующим на должность генерал-квартирмейстера, избрал ее для сражения... При выборе позиции он удовольствовался тем, что ее фронт, был прикрыт жалкими речушками, которые везде можно было перейти вброд, оставив оба фланга без поддержки и не защищив их укреплениями..."²³ Заметим, что тем самым Бенигсен отвергает какие-либо преимущества местности не только на левом, но и правом фланге, подчеркивая, что оба фланга подвергались опасности обхода. При этом и Барклай, и Бенигсен ссылаются на авторитетное мнение князя Багратиона, доносившего накануне Шевардинского боя Кутузову, что "в настоящем положении его левый фланг подвержен величайшей опасности."²⁴ Кутузов, со своей стороны, к мнению Багратиона прислушался, и левый фланг был отнесен за Семеновский овраг. Причем произошло это не вследствие нападения французов, как пишет парю Барклай, а накануне, как свидетельствуют о том документы. Очевидно, что позицией у Семеновского, фронт которой прикрывал овраг, Багратион был относительно удовлетворен. Во всяком случае начальник его штаба генерал-лейтенант Э.Ф. Сен-При отозвался в дневнике о позиции благожелательно: "... деревня Семеновка (Семеновское - авт.) была ключом избранной

позиции, которая оказывалась достаточно прикрыта на правом фланге и в центре берегами Колочи. Неприятель мог легко обойти эту позицию, двигаясь через Елью по Старой Смоленской дороге на Утицу и, затем, лесами мог подойти на пушечный выстрел к Семеновскому. Главнокомандующий, чтобы воспрепятствовать приближению к ней, приказал укрепить деревню и взвести впереди несколько флеший."²⁵ Вообще следует сказать, чем далее отстояло лицо от поста главнокомандующего, тем беспристрастнее оно относилось к выбору позиции, пытаясь увидеть не только ее слабости, но и достоинства. В частности, начальник артиллерии граф А.И. Кутайсов, по словам Евгения Вюртембергского, утверждал, что "и перед самой Москвой мы не нашли бы позиции, которая была бы удобнее к бою"²⁶. Так же оценивает Бородинскую позицию Клаузевиц, сам участвовавший в сражении и один из признанных авторитетов в военном искусстве. Он утверждал, что трудило было "найти лучшую позицию, чем при Бородине."²⁷ При этом Клаузевиц, как и Бенигсен, подчеркивает ту роль, которую играл при Кутузове полковник Толь, писавший впоследствии историку Д.П. Бутурлину: "... Я, конечно, могу похвалиться тем, что разделял с ним (Кутузовым - авт.) труды и занятия сей славной войны, что был его главным сотрудником и первым орудием во всем том, что он обдумывал для погубления неприятеля, и, наконец, что я пользовался в высшей степени его уважением и доверием. Честь эта, конечно, не малая..."²⁸

Нельзя не согласиться с тем, что Кутузов, действительно, доверял своему генерал-квартирмейстеру и с ним, в основном, обсуждал вопросы, связанные с подготовкой к сражению, поэтому интересно узнать, чем они руководствовались, выбирая позицию? На главный их принцип указывает в своих записках Евгений Вюртембергский: "Мнение Толя я разделял вполне. Оно состояло в том, что только те

позиции выгодны, которые благоприятствуют наступательным движениям резервов и на которых резервы могут быть расположены до тех пор, скрытно... При таких условиях наступающий имеет на своей стороне ту выгоду, что может выждать пока объясняются виды противника..."²⁹ Зная ход самого сражения, мы можем сказать, что этому требование, по крайней мере, Бородинская позиция вполне отвечала, что было важно при оборонительном характере сражения. По этой же причине высоко оценил позицию сам Наполеон: она давала возможность не только отражать удары, но и наносить их самим, особенно на левом фланге. Кстати, самому Кутузову, которого Барклай де Толли, Беннигсен и Ермолов упрекали в том, что он из-за тучности и лени якобы не был знаком с условиями местности и слепо доверял в оценке позиции другим, по словам генерал-квартирмейстера М.С. Виттицкого, эта позиция сначала не понравилась, и лишь взвесив все ее достоинства и недостатки и приняв во внимание, что лучшей позиции уже, пожалуй, и не сыскать, он взял на себя ответственность принять сражение на Бородинском поле.³⁰ Нам известен лишь итог его размышлений по этому поводу: "Позиция, в которой я остановился в 12-ти верстах перед Можайска, одна из наилучших, которые только на плоских местах найти можно. Слабое место сей позиции, на левом фланге находящееся, надеюсь я исправить с помощью искусства."³¹ Обидно, когда авторы, пишущие о Бородинском сражении, не придают значения мнениям его участников, не вчитываются в слова их переписки и воспоминаний. В качестве досадного примера можно привести цитаты из известной книги Н.А. Троицкого: "Главное же, позиция позволила русской армии "оседлать" обе дороги, ведущие к Москве, - Старую Смоленскую и Новую Смоленскую. Слабость русской позиции заключалась прежде всего в том, что ее левый фланг был открыт для фронтального

удара. Поэтому Кутузов распорядился прикрыть его инженерными сооружениями (флешиами) на высоте у дер. Семеновское, а потом и загнуть оный к флангам."³² Но на самом деле то, что Н.А. Троицкий считает силой являлось, судя по мнению Кутузова и участников сражения, слабостью, а то, что историк считает слабостью, являлось, по их же мнению, силой. То, что позиция была открыта на сравнительно узком участке для фронтального удара, по мнению участников битвы, было ее силой, а то, что в лесу у левого фланга ее огибала Старая Смоленская дорога, ведущая в тыл, было ее слабостью, и, судя по рапортам Кутузова и Багратиона, флеши были сооружены как раз для связи с войсками, эту дорогу прикрывавшими. Что касается суждения автора, будто флеши были выстроены на Семеновских высотах, то из него явствует то, что он сам никогда не был на Бородинском поле.

В статье "Боевые действия русских войск у дер. Семеновское", опубликованной в сборнике материалов научной конференции в Бородино³³, нам доводилось отмечать, что в отечественной историографии уже традиционно сложилось неверное представление о том, какой смысл вкладывало русское командование в понятие "левый фланг". Представление о нем изначально сводится в трудах историков к флешиам Багратиона, с которыми связана основная часть описания Бородинского сражения. Однако Кутузов, Беннигсен, Багратион, Ермолов, Сен-При, Виттицкий и другие участники сражения однозначно считали, что основная часть позиции левого крыла проходила по линии Семеновского оврага. Историки ошибочно называют ее "второй позицией", на которой разместились наши войска после оставления ими флешией. На самом же деле флеши, согласно документам, входили в систему укреплений левого крыла и служили для связи с войсками, находившимися на Старой Смоленской дороге. Утверждение о

чрезмерной слабости этого участка нашей позиции следует признать преувеличением. В частности, к числу безусловных ее выгод относится наличие естественных возвышенностей, которые в сочетании с полевыми укреплениями обеспечивали интенсивный перекрестный обстрел всей позиции левого крыла, что затрудняло здесь действия французов и привело к значительным потерям, главным образом, в пехоте. В частности, войска, расположенные в пространстве между батареей Раевского и северной окраиной деревни Семеновское, долгое время вообще не подвергались атакам французской пехоты именно по этой причине.

Подготовка к обороне центральной высоты или Курганий батареи Раевского также послужила поводом для столкновения мнений. Кутузов, Беннигсен, Барклай де Толли одинаково считали это укрепление по важности занимаемого им места "ключом всей позиции". 24 августа офицеры и генералы дивизий, размещавших у батареи Раевского, стали свидетелями спора между генералом от кавалерии Беннигсеном и полковником Толем по поводу тех мер, которые следовало принять для защиты этого пункта русской позиции. Если Толь предлагал соорудить здесь линию из 18 орудий и включить его в линию обороны 6-го и 7-го корпусов, то Беннигсен настоятельно советовал сокрушительное укрепление с амбразурами для 24-х или даже 36-ти орудий, приспособленное для круговой обороны, и "поместить здесь четыре или пять батальонов пехоты." Очевидец указывал: "... Толь говорил, что неприятель, направясь на этот высунувшийся пункт и овладев оним, будет командовать позицией 6-го и 7-го корпусов и сосредоточив здесь многочисленную артиллерию, сбьет оные со своего места; тогда как включив это возвышение в позицию, ему придется бороться в одно время с двумя корпусами и т. д. Беннигсен возражал, что если включат этот пункт в позицию, неприятель, завладев оним, будет

анфилировать линию обоих корпусов и тем понудит их отступить в настоящую позицию уже от большой убыли неминуемо расстроеными.³⁴

В отличие от Бенигсена, превратившего выбор позиции в публичное зрелище, где он демонстрировал глубину своих военных познаний, Кутузов "не произнес ни слова ни в пользу, ни против кого-либо из излагавших свое мнение".³⁵ В конце концов Главнокомандующий поддержал предложение Толя (либо Толь излагал точку зрения Главнокомандующего). "Мнение Бенигсена втайне признавалось большинством"³⁶ - свидетельствовал присутствовавший при этом споре военный историк И.П. Липранди. Однако следует заметить, что у генерал-квартирмейстера Толя были достаточно веские доводы, хотя считается, что Кутузов поддержал его из нежелания согласиться с Бенигсеном. Можно сказать, что Бенигсен исходил из теоретических представлений, а Кутузов в лице Толя - из практических. Укрепление,озведенное по замыслу начальника Главного штаба, вероятно, сразу бы привлекло внимание французов, так как их атаки на деревню Семеновское в начале сражения были бы затруднены при наличии сильного укрепления, действовавшего им во фланг. Но при видимой силе и непримитности этого укрепления у него был бы существенный недостаток: в случае захвата его неприятелем, русские войска не успели бы свезти с него 24-х, а то и 36-ти батарейных орудий, а обратное овладение редутом представляло бы для нас не меньше трудностей, чем для французов, захвативших его. В этом случае неудача в центре для русских сразу же могла обернуться катастрофой, так как при занятии французами укрепления, сооруженного по совету Бенигсена, невозможной сделалась бы и оборона деревни Семеновское. И.Ф. Паскевич (при Бородине - генерал-майор, начальник 26-й пехотной дивизии) заметил по сходному поводу, что подоб-

ные укрепления строятся "как будто с тем, чтобы не выходить из них"³⁷, но кто мог рассчитывать на абсолютный успех в предстоящем сражении? Батарею Раевского, укрепленную по предложению Толя, легче было захватить, но в ней невозможно было удержаться при перекрестном обстреле. В ходе самой битвы французы, как мы знаем, не придали сразу решающего значения центральному укреплению и атаковали его после того, как уже понесли большие потери на участке "флеши Багратиона - дер. Семеновское". В результате несоразмерности в силах первая атака неприятеля была, как известно, отбита, что позволило удержать линию обороны и у дер. Семеновское. Лишь около 15.00 батарея Раевского была захвачена французами, главным образом, силами конницы, которая безhesкоты, естественно, не смогла развить свой успех.

Кроме вопросов, связанных с выбором позиции, наибольшую часть нареканий у лиц, осуждавших Кутузова, вызывало размещение на позиции войск, что было, безусловно, связано с определением направления главного удара со стороны неприятеля. Так, Барклай де Толли писал о явной угрозе левому флангу со стороны Старой Смоленской дороги и сообщал императору о мерах, предложенных им Главнокомандующему: "Князю Кутузову предложено было под вечер, при наступлении темноты, исполнить с армией движение так, что правый фланг 1-й армии отступал на высоты Горки, а левый примыкал к деревне Семеновской, но чтобы вся 2-я армия заняла место, в коем находится 3-й корпус. Сие расположение не переменило бы боевого порядка; каждый генерал имел при себе собранные войска; резервы наши, не начиная дела, могли быть и сбережены до последнего времени не будучи рассеяны и, может быть, решили бы сражение. Князь Багратион не будучи атакован, сам бы с успехом ударил на правый фланг неприятеля."³⁸ Если бы Кутузов не пренебрег этими советами, то, по мнению Барклая, русские во-

йска в сражении добились бы решительного успеха.

Многие историки упрекали Кутузова в том, что он непозволительно долго удерживал в бездействии силы правого фланга. Их доводы не лишены серьезных оснований. Это особенно наглядно яствует из вышедшей недавно интересной и содержательной работы исследователя из Самары А.И. Попова. "Насколько озабочен был русский Главнокомандующий защитой правого крыла, настолько же его противник буквально пренебрег этим направлением,"³⁹ - констатирует автор, подтверждая свое мнение ссылками на русские и иностранные источники. Наряду с этим А.И. Попов отметил, что "окончательно уточнить распределение французских войск на позиции можно лишь перед началом сражения",⁴⁰ то есть после того как атаман М.И. Платов по приказу Главнокомандующего произвел разведку и (между 7 и 8 часами утра) не обнаружил "почти вовсе неприятеля там, где предполагалось все его левое крыло".⁴¹ До этой минуты у Кутузова были веские основания опасаться удара в центре между селом Бородином и деревней Семеновское, что подтверждается и воспоминаниями генерала Неле, служившего при штабе Наполеона: "Наши силы представлялись этому Генералу (Кутузову - авт.) в двух колоннах, направленных на центр по линии. Подобное расположение достаточно указывало на то, что Наполеон переведет французскую армию на тот или другой берег реки Колочи...".⁴² Следует отметить также, что Кутузову было трудно предусмотреть все перемещения французских войск в ходе самого сражения, зависящие от случая. Например, согласно диспозиции З-й пехотный корпус маршала Ней и подчиненный ему Вестфальский корпус генерала Жюно должны были наести удар между батареей Раевского и северной окраиной деревни Семеновское, однако, Ней самовольно изменил данное ему направление атаки, свернув к флеши Багратиона, а корпус Жюно переместился с левого

фланга 3-го пехотного корпуса на крайний правый, пытаясь совершить обход Семеновского по Старой Смоленской дороге.⁴³ Это смещение французских войск вправо следует признать неожиданностью не только для Кутузова, но и для Наполеона. Следовательно, предвидеть это было невозможно, но начальник штаба Л.Л. Бенигсен в этом случае был солидарен с Барклайем, хотя последний утверждал, что Кутузов и Бенигсен оба считали, что "Старая Смоленская дорога могла быть защищаема одними нестроевыми войсками."⁴⁴ Однако, сам Бенигсен писал впоследствии, что и он неоднократно обращался к Кутузову с теми же аргументами, что и Главнокомандующий 1-й армией. Так, он вспоминал, что 25 августа, "предложил опереть наш правый фланг на деревню Горки и двинуть все остальные войска нашего правого фланга в поддержку левого крыла. Мои убеждения остались и на этот раз безуспешными." Далее Бенигсен вспоминал, что уже 26 августа, на рассвете, вернувшись с батареи Раевского, он сказал Кутузову: "Если Вы не хотите, чтобы Ваш левый фланг был опрокинут с потерей 20 или 30 орудий, поспешите послать туда все войска с правого фланга; только бы они подоспели туда вовремя. Выслушав меня, Кутузов приказал, чтобы часть войск была послана для поддержки нашего левого фланга; когда же было получено донесение, что наши дела на этом флангешли плохо, то он послал туда и остальную часть войска. К несчастью, все эти подкрепления прибыли слишком поздно, по причине большей растянутости нашей позиции..."⁴⁵ Из слов Бенигсена явствует, что согласно распоряжению Кутузова первыми подошли на помощь войскам 2-й Западной армии и заняли позицию у деревни Семеновское гвардейские полки, что опровергает традиционную версию, бытующую в нашей историографии. То, что Бенигсен отдал этот приказ между 5 и 6 часами утра, подтверждается рапортом командира гвардейско-

го корпуса генерал-лейтенанта Лаврова⁴⁶ и доказывает, что уже на рассвете 26 августа русский Главнокомандующий, не дождавшись атак на левом фланге, начал стягивать туда войска. Гвардия вступила в сражение еще до того, как к Семеновскому подоспели полки 2-го и 4-го пехотных корпусов, что в некоторой степени опровергает мнение о том, что резервы не успевали к левому флангу.

Огромные потери, понесенные на этом участке фронта, К. Клаузевиц объясняет не столько нехваткой войск, сколько, напротив, их перенебыtkом. Его точка зрения, на наш взгляд, заслуживает внимания: "Мы должны будем признать, что построение первых линий было очень плотным. Если к этому добавить, что корпуса Багговута и Остремана, оказавшиеся без дела на правом крыле, впоследствии были взяты оттуда и использованы на поддержку других пунктов и, следовательно, также играли роль резерва, то мы увидим, что русская армия дралась в тот день в беспримерном по тесноте и глубине построении. Столь же тесно, а следовательно, примерно так же глубоко построилась и французская армия. Этим объясняется сильное и упорное сопротивление русских... Этим же объясняется и огромные потери людьми."⁴⁷ Полковник Толь "являлся решительным сторонником глубокого построения, то есть занятия короткого фронта и сохранения сильных резервов. Автор также в этом построении видит лучшее средство обеспечить переход от обороны к наступлению... Но мы не можем одобрить то использование этого принципа, которое полковник Толь в данном случае допустил. По нашему мнению, поле сражения должно иметь большую пространственную глубину, то есть кавалерию и резервы следовало отодвинуть глубже назад."⁴⁸

Мнение Клаузевица о чрезмерной плотности боевого порядка на левом фланге подтверждается воспоминаниями офицера квартирмейстерской части Н. Муравьева: "На левом флан-

ге войска стояли в 6 и даже в 7 линий..."⁴⁹ Таким образом, Кутузова трудно упрекнуть в отсутствии здесь войск в кризисный момент сражения. Встает вопрос: мог ли он сосредоточить эти войска сразу же? Давала ли Бородинская позиция возможность к размещению 1-й Западной армии на участке от Горок до Семеновского, а всей 2-й Западной армии на Старой Смоленской дороге? Бенигсен, Барклай де Толли, Евгений Вюртембергский упрекали Кутузова за то, что он вопреки их советам поставил на Старой Смоленской дороге ограниченное число войск, но ведь и Наполеон отказался от предложения маршала Даву послать в обход по узкому дефиле 50-тысячный корпус. Одна из причин этого решения - труднопроходимость Утицкого леса, что препятствовало развертыванию там значительных сил. В отличие от Бенигсена и Барклая де Толли, полагавших левое крыло не способным к обороне, генералы 2-й Западной армии Сен-При и Вистицкий считали, что корпус генерал-лейтенанта Тучкова-1 слишком рано вступил в дело, а войска, оборонившие деревню Семеновское, вполне могли удерживать позицию до нанесения флангового удара, предписанного 3 пехотному корпусу. "На бедного Тучкова пало даже подозрение в Главной квартире, что он не умел удержаться",⁵⁰ - писал А.А. Щербинин.

Коль скоро речь зашла о действиях корпуса генерал-лейтенанта Тучкова-1 в Бородинском сражении, то здесь уместно будет перейти к вопросу о руководстве войсками на поле сражения. Тема эта, безусловно, является самой "болезненной", даже если не принимать во внимание свидетельства Бенигсена, Барклая де Толли, Вистицкого, Растопчина и др. о том, какое влияние оказывали на Кутузова Толь, Кудашев, Кайсаров. Недоброжелатели полководца были слишком к нему пристрастны, проверить же правильность их суждений сложно.⁵¹ Мы же имеем в виду трудности в управлении войсками, которые существовали независимо от воли

и характера Кутузова и которых, безусловно, не могло быть в армии Наполеона, совмещавшего в своей особе пост главнокомандующего с императорским саном. Под началом у Кутузова было два главнокомандующих, фактически самостоятельно распоряжавшихся войсками - Барклай де Толли и Багратион. У каждого из них подобно Кутузову был свой Главный штаб со своим начальником во главе. В этой противоестественной ситуации, в которой оказались трое главнокомандующих и трое начальников штабов, безусловно, в наиболее тяжелом положении оказался Барклай де Толли, более всех выиграл Бенигсен, но недовольны были оба. Военный историк А.Н. Попов, на наш взгляд, исчерпывающе охарактеризовал отношения, в которые были поставлены первые лица в армии: "С назначением кн. Кутузова главнокомандующим всеми армиями, положение Барклая сделалось еще затруднительнее. Он терял первенствующее значение в отношении второй армии и становился в одинаковое положение с кн. Багратионом, хотя отдельное управление первою армию со штабом и оставалось при нем. Если бы князь Кутузов нашел при армии одного главнокомандующего Барклая, то он самою силою обстоятельств был бы поставлен в положение его помощника и ближайшего советника, с которым, без сомнения, для него легче было бы примириться, а умному и опытному князю Кутузову представился бы удобный случай с пользою для общего дела воспользоваться службою Барклая: но рядом с ним был другой главнокомандующий, кн. Багратион, которого положение не изменялось от назначения нового главнокомандующего, а даже улучшалось: он подчинялся не Баркллю, но кн. Кутузову, старшему в отношении к нему и никак не менее его пользовавшемуся известностью, и притом главнокомандующему всеми армиями, а не одною первою Западною. Следовательно, в какой мере выигрывало положение кн. Багратиона, в той мере ухудшалось

положение Барклая: сверх того непосредственно его отношение к кн. Кутузову стеснялось и ограничивалось новым лицом, по самому положению и личным качествам ставшим между ними, - начальником штаба кн. Кутузова генералом Бенигсеном, который считал себя достойным и способным иметь не второстепенное, но первенствующее значение.⁵² К тому же накануне сражения Барклай де Толли продолжал считать себя Военным министром, так как указ об отрешении его от этой должности был подписан лишь 24 августа. В письме императору от 16 августа он основательно характеризовал свои затруднения: "В качестве главнокомандующего, подчиненного кн. Кутузову, я знаю мои обязанности и в точности их исполняю. Однако же, мне еще неизвестно, в каких я буду находиться с ним отношениях в качестве военного министра."⁵³ Неудивительно, что в день битвы он считал себя вправе "беспосредственно" распоряжаться, по крайней мере, войсками 1-й Западной армии, но в этом случае его положение оказалось худшим, чем у кн. Багратиона, так как Кутузов со штабом находился в расположении войск правого крыла, рассматривавшегося в качестве резерва, по частям направляемого на левый фланг часто без согласования с Барклаем, что вынуждало его печально констатировать факт: "...Каждое из начальствующих лиц уводило войска и располагало оными, не удостаивая Главнокомандующего (то есть Барклая - авт.) известием."⁵⁴ Так, он не знал о том, когда у него были взяты весь 3 пехотный корпус, пехотная бригада гвардейских полков полковника М.Е. Храповицкого, бригада 1-й кирасирской дивизии (полки л.-гв. Его и Ее Императорских Величеств и Астраханский) генерал-лейтенанта М.М. Бороздина-2, 2-й пехотный корпус генерал-лейтенанта К.Ф. Багровута, хотя некоторые историки утверждают, что последний приказ был отдан именно Барклаем. Однако, сам Главнокомандующий 1-й Запад-

ной армией, перечислив все свои заслуги и удачные распоряжения в этот день, не упоминает в их числе о 2 пехотном корпусе, а из контекста его рапорта М.И. Кутузову от 26.09 из Калуги можно заключить, что этот приказ был отдан Кутузовым. Во всяком случае на этой версии настаивает Щербинин, отправленный с распоряжением к Багровуту. Гвардейские полки были отправлены на левый фланг Бенигсеном, который также считал себя вполне отдавать приказы без ограничений, во-первых, на основании "Уложения о большой действующей армии", предоставлявшего начальнику штаба огромные полномочия, во-вторых, на основании собственных представлений о своей значимости: "Из честолюбия и отчасти из самолюбия, которое всегда должно быть присуще военному, мне было не приятно служить под начальством другого генерала, после того, как я командовал войсками против Наполеона и самых искусных его маршалов..."⁵⁵ Полагая себя единственным полководцем, кто мог бы на равных состязаться с Наполеоном в военном искусстве, "победителем непобедимого", Бенигсен смело вмешивался в распоряжения Кутузова, не ставя главнокомандующего в известность, что, в частности, проявилось при размещении на позиции 3 пехотного корпуса Тучкова-1, на примере которого наиболее отчетливо можно проследить все несовершенства управления войсками в день битвы. Генерал-лейтенант Тучков-1, подчинявшийся как главнокомандующему Баркллю де Толли, поскольку его корпус входил в состав 1-й Западной армии, без ведома последнего был передвинут по приказу Кутузова с правого фланга на Старую Смоленскую дорогу и занимал там позицию за Утицким курганом. Начальник Главного штаба Бенигсен, не вникая в замыслы Кутузова, вывел его из скрытого расположения, заставив встать в линию с войсками левого крыла. В ходе сражения кн. Багратион, не интересуясь ролью, предписанной корпусу Тучкова, потреб-

бовал от него З пехотную дивизию в подкрепление войскам 2-й армии. Тучков выполнил и это последнее распоряжение, очевидно, полагая, что, находясь на левом крыле, он обязан подчиниться старшему здесь в чине генералу. Накануне последнего в своей жизни сражения командир З пехотного корпуса, один из самых опытных военачальников Русской армии, отчаялся разобраться в том, какие действия ему предписывались и в чьей команде он состоит. Об этом как раз и свидетельствуют воспоминания А.А. Щербинина: "... О назначении же оставаться скрытию от неприятеля он (Тучков-1 - авт.) не заметил Бенигсена, вероятно, потому что сам не ведал плана главнокомандующего... Тучкову судьба не представила оправдаться. Он пал при первых выстрелах..."⁵⁶

В связи с этим нельзя не согласиться с мнением историка, специально посвятившего свой труд выяснению сложных отношений между Кутузовым и его ближайшими соратниками: "Мы не позволим себе оценивать военные действия и распоряжения ходом сражений, но не можем не заметить, что если распоряжается ими не один главнокомандующий, а подчиненные ему лица позволяют делать распоряжения силою своей власти и не доводя даже до сведения главнокомандующего, то едва ли может быть соблюден порядок."⁵⁷ Однако, кроме Бенигсена, который, по словам Р. Вильсона, "искал главной команды" и Барклай, который был "недоволен тем, что находился под командой", на Бородинском поле существовали и другие подобные же обстоятельства, характеризующие несовершенство в управлении войсками на более низком уровне. Следует заметить вообще перенебыток "полных" генералов или генералов от инфanterии на поле сражения при недостаточном числе войск. Так, прибытие без команды генерала от инфanterии М.А. Милорадовича заставило Кутузова передать в его подчинение войска правого крыла (2 и 4 пехотные корпуса), что неминуемо

повлекло за собой назначение командующим войсками центра командира 6 пехотного корпуса также генерала от инфanterии Д.С. Дохтурова, которому, однако, не подчинялся командир 7 пехотного корпуса 2-й Западной армии генерал-лейтенант Н.Н. Раевский, таким образом назначение Дохтурова распространялось в центре лишь на войска 1-й Западной армии, к которой он принадлежал.⁵⁸ Отправив генерал-лейтенанта Дохтурова, ставшего по возрасту, боевому опыту и заслугам военачальника, руководить действиями 2-й Западной армии после ранения Багратиона, Кутузов, как выяснилось после сражения, совершил недопустимую оплохиность, которую вопреки своему внутреннему убеждению должен был исправить.

Вот что писал по этому поводу Д.С. Дохтуров своей супруге: "... Я во время последнего сражения командал 2-ю армию на место князя Багратиона, какой был ранен; после же сражения, когда Кутузов узнал, что я моложе Милорадовича, то он очень передо мною извинился, что должен армию, как старшему препоручить ему. Я не был сим мало оскорблён, ибо по старшинству сие следует."⁵⁹ Но старшинству, конечно, следовало, но нельзя не заметить, что в самый тяжелый для 2-й армии час, после потерь, от которых армия Багратиона уже не оправилась, находился с нею под огнем и спас ее от разгрома генерал от инфanterии Дохтуров, назначенный "по ошибке".

Не менее показателен в этом отношении и пример, связанный с прибытием к армии накануне сражения генерал-лейтенанта князя Д.В. Голицына-5. В соответствии с чином и старшинством он должен был принять под свое начальство корпус. Вакансию для него можно было создать к этому времени, лишь отобрав командаление у младшего по выслуге лет. На это Кутузов не пошел, поэтому недостающий корпус был создан из двух кирасирских дивизий, находившихся в разных армиях: 1-й

кирасирской дивизии генерал-лейтенанта Н.И. Депрерадовича (командовал в день битвы Бородин-2) из 1-й армии и 2-й кирасирской дивизии генерал-лейтенанта И.М. Дуки из 2-й армии. Естественно, что кн. Голицын, давший себе слово не возвращаться в армию, пока ею командует Барклай, безо всякой внутренней борьбы отправился с бригадой из трех полков на помощь войскам Багратиона, где находилась и вторая, вверенная его командованию дивизия, даже не поставив в известность Барклая де Толли,⁶⁰ который узнал об этом лишь к 3 часам дня, когда сам задумал отдать распоряжение 1-й кирасирской дивизии.

Поэтому не без основания Барклай пессимистично заметил в одном из своих писем к Александру I: "... Начальство над войсками очень плохо. Я не считаю нужным упоминать о Бородинском сражении, чтобы доказать эту истину."⁶¹ Следует отметить, что во всех этих недостатках нельзя винить одного лишь Главнокомандующего, как это делали Бенигсен, Барклай де Толли, Ермолов, Растворчий, Р. Вильсон, наиболее враждебные его оппоненты. В отношении Кутузова эти лица, к сожалению, не беспристрастны. Во многом виновата и сила обстоятельств, существовавших до прибытия полководца к армии, а также определенные традиции и правила, которых никто не отменял.

В завершение же статьи хотелось бы процитировать слова из записок генерала Пеле, у которого, очевидно, было больше причин для того, чтобы быть объективным: "...Если он (Кутузов - авт.) не сразу увидел, что ему следовало сделать, то в продолжение дня он обнаружил тот характер, который составляет одно из драгоценнейших качеств Главнокомандующего, его стойкость уравновесила и отчасти расстроила высокие соображения Императора (Наполеона - авт.). Император мог бы погибнуть, если бы сделал хотя одну ошибку в присутствии таких неприятелей."⁶²

Источники

1. Из воспоминаний А.Б. Голицына. Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 343.
2. Клаузевиц К. 1812 год. М., 1937. С. 80.
3. Из записок князя Паскевича. Русский архив, 1889. Кн. I. С. 412.
4. Толь К.Ф. Описание битвы при селе Бородино 24-26 августа 1812 года, составленное на основании рапортов гг. корпусных командиров Российской армии, из официальных документов неприятельских, перехваченных во время преследования французской армии в 1812 году, и из иностранных описаний сей достопамятной войны, изданных по окончании оной. СПб., 1839. С. 48-49.
5. Русский архив. 1887. № 2. С. 210.
6. М.И. Кутузов. Письма, записки. М., 1989. С. 319.
7. Там же. С. 312.
8. Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. М., 1995. С. 168.
9. Там же. С. 168.
10. М.И. Кутузов. Письма, записки. М., 1989. С. 310.
11. Там же. С. 318.
12. Наполеон. Воспоминания и военно-исторические произведения. СПб., 1994. С. 51.
13. Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812-1815). СПб., 1822. С. 99.
14. Там же. С. 151.
15. Клаузевиц К. Указ. соч. С. 81.
16. Дубровин Н.Ф. Отечественная война... С. 164.
17. Там же. С. 109.
18. Фельдмаршал Кутузов. Указ. соч. С. 2007
19. Клаузевиц К. Указ. соч. С. 87.
20. Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. 1911. Т. 18. С. 181.
21. Там же. С. 183.
22. Там же. С. 182.
23. Записки графа Л.Л. Беннигсена о кампании 1812 года. Русская старина. 1909. Т. 9. С. 494.
24. Барклай де Толли. Указ. соч. С. 183.
25. Харкевич В. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. 1. Вильно, 1900. С. 150.
26. Воспоминания герцога Евгения Вюртембергского о кампании 1812 года в России. Военный журнал. № 1. СПб., 1848. С. 53.
27. Клаузевиц К. Указ. соч. С. 85.
28. Русский архив. № 3. 1873. С. 413-414.
29. Евг. Вюртембергский. Указ. соч. С. 50.
30. Харкевич В. 1812 год... С. 186.
31. Фельдмаршал Кутузов... С. 176.
32. Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М., 1988. С. 138.
33. Бородино. Материалы научной конференции "Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы". Бородино, 1994. С. 26-34.
34. Липранди И.П. Материалы для истории Отечественной войны 1812 года. Сборник статей. СПб., 1867. С. 20-21.
35. Там же. С. 20.
36. Там же. С. 20.
37. Паскевич И.Ф. Походные записки. 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 78.
38. Барклай де Толли. Указ. соч. С. 183.
39. Попов А.И. Бородинское сражение (боевые действия на Северном фронте). Самара, 1995. С. 14.
40. Там же. С. 20.
41. Там же. С. 20.
42. Бородинское сражение. Извлечение из записок генерала Пеле о русской войне 1812 года. М., 1872. С. 71-72.
43. Ивченко Л. Боевые действия русских войск у деревни Семеновское в Бородинском сражении. Бородино. Материалы конференции... С. 33-34.
44. Барклай де Толли. Указ. соч. С. 184.
45. Беннигсен Л.Л. Записки... С. 22-24.
46. Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 144.
47. Клаузевиц К. Указ. соч. С. 89.
48. Там же. С. 89-90.
49. Муравьев Н.Н. Записки. Русский архив. 1885. Кн. III. С. 250.
50. Харкевич В. 1812 год... С. 154, 187.
51. Там же. С. 17.

52. Попов А.Н. Движение русских войск от Москвы до Красной Пахры. Русская старина. Т. 3. 1897.
53. Там же.
54. Барклай де Толли. Указ. соч. С. 184.
55. Беннигсен Л.Л. Записки...
56. Харкевич В. Указ. соч. С. 16-17.
57. Попов А.Н. Указ. соч. С. 360.
58. Диспозиции для 1-й и 2-й Западных армий при с. Бородине, расположенных августа 24 дня 1812 года. Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 81.
59. Русский архив, 1874, кн. 1, ст. 1099.
60. Ивченко Л. Награждение за Бородинское сражение князя Голицыны 5-го...
61. Цит.: Попов А. Н. Указ. соч. С. 119.
62. Указ. соч. С. 91.